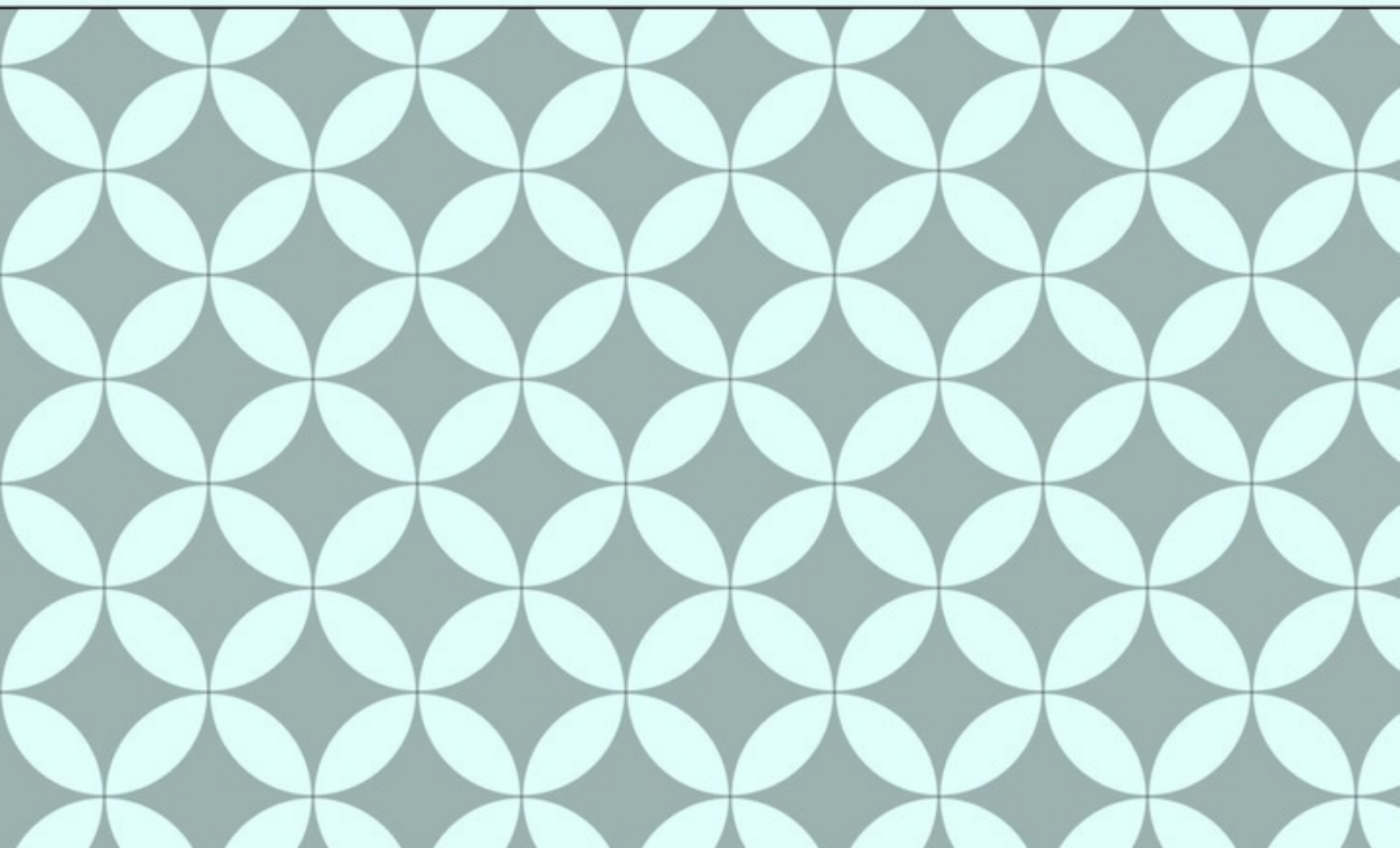

Султанбек Ибрагимов

*Долгая дорога
в никуда*

Том 3

Султанбек Ибрагимов

Долгая дорога в никуда. Том 3

«Издательские решения»

Ибрагимов С.

Долгая дорога в никуда. Том 3 / С. Ибрагимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505039-7

Во второй части действие разворачивается на территории России, где герои романа занимаются торговлей на местных рынках.

ISBN 978-5-00-505039-7

© Ибрагимов С.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ III	6
УКРАИНА	6
Глава 3.2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Долгая дорога в никуда Том 3

Султанбек Ибрагимов

© Султанбек Ибрагимов, 2019

ISBN 978-5-0050-5039-7 (т. 3)

ISBN 978-5-0050-5035-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ III

УКРАИНА

Глава 3.1

Прошли новогодние праздники. Прошел январь месяц, холодный, ветреный, почти без осадков. Никаких значительных событий не происходило, если не считать того, что в первых числах января Сабир устроил небольшой сабантуй. Случилось это еще в самом начале месяца, не то 4, не то 5 января. Пригласил он всех к себе домой. Был это воскресный день, поэтому, не дожидаясь вечера, весь приглашенный состав понемногу подтянулся к дому Сабира. К пяти часам все были в сборе, все пятеро, даже Рахим, всегда привыкший опаздывать, был уже здесь.

Настроение у всех было хорошее, хан-тахта прогибалась от изобилия яств. Сабир, обычно немногословный, сегодня был в ударе. Шутил, подкалывал друзей, никого без внимания не оставлял, все требовал, чтобы налили еще водки. Водку он привез из России, где работал последние годы. В это время было престижно выставлять российскую водку, привезенную оттуда, хотя водка, производимая в Узбекистане, ни в чем не уступала импортной, а в последние годы даже превосходила не только продукцию России, но и других стран-производителей и по качеству, и по дизайну, не говоря уже о наименованиях.

Не без гордости он хвалился своими успехами. Помнится вначале, когда он только подался в гастарбайтеры со своими шуринами, дела у него шли не совсем хорошо, если не сказать совсем плохо. Первый год он еще как-то смог доработать с ними до конца сезона. Заработал он тогда гроши, еле-еле семью смог прокормить. На второй год он вдрызг переругался с родственниками, которые и в этом году хотели его облапошить. Называл он теперь их жуликами и ворюгами, да и всех остальных, с кем приходилось тогда работать.

Как он тогда рассказывал, в это время каждый норовил не работать самому, а нагреться на труде таких, как он, новичков-трудяг. Они не имели опыта и полагались только вот на таких, как его шурины, ловкачах, которые за десять процентов договаривались с другими подобными себе экземплярами, те перепродавали их третьему лицу, также оставляя себе долю, и только третий местный прораб нанимал их на работу и производил расчеты с человеком, который представил их ему, не забывая, разумеется, и о своем кармане. В результате этого этим бедным трудягам доставалось иногда в разы меньше того, что они заработали.

С середины второго сезона, переругавшись с шурином, он ушел на вольные хлеба. Сам стал подыскивать работу, сам договаривался, в первые месяц-полтора было очень трудно. Было трудно найти работу, было трудно договориться, еще труднее было с временной пропиской, милицией — во всем было трудно. Большая часть ребят из бригады разбежались. Точнее, ушли к его шуринам, предпочли, хотя и за малые деньги, спокойно доработать до конца года. Через месяц они остались втроем, через день-два ушел и третий. Остались они вдвоем, он и совсем молодой парнишка из кишлака Сарылы. Звали его Шамурад. После окончания школы он только в первый год приехал на заработки. Делать он ничего не умел, работал подсобником, был на подхвате. Он поверил ему, был с ним до конца. Деньги, полученные у шурина, быстро кончились, приходилось и голодать. Постоянной работы не было, перебивались на поденной работе, которую тоже было трудно найти.

Наконец, на сорок пятый день их разрыва с шурином, он случайно встретил пожилого мужчину, почти старика. Они с Шамурадом уныло плелись по пыльной проселочной дороге небольшой деревушки в Подмосковье. Мужчина сидел возле своего дома на лавочке. Когда

они подошли совсем близко, он подозвал их к себе: —Ребята, вы не смогли бы мне помочь, – попросил он. Я бы вам заплатил, —добавил, не дожидаясь согласия.

– Хорошо, быстро согласился Сабир. Мужчина завел их к себе во двор и попросил выкопать большую яму метра на два в глубину и ширину. Не понимая, зачем это нужно хозяину, они все же взялись за дело.

– Сколько это будет стоить? – спросил старик.

– Не знаю, пожал плечами Сабир. – Сколько дадите, столько и возьмем.

– Ну, ладно, сказал старик и пошел к дому.

Через полчаса он вернулся, они все еще копали.

– Все, хватит, пойдемте, я вам кушать приготовил, пригласил он их в дом.

Это их очень обрадовало, побросав лопаты и даже не помыв руки, они пошли за стариком.

– Руки помойте, черти. Вон вода, показал он на бочонок с водой и кружкой на углу за сениями.

Дом у него был старый деревянный, почерневшие бревна нижних рядов кое-где подгнили. Но внутри было все чисто, аккуратно и уютно. На кухне, куда он их завел, на столе, покрытой белоснежной скатертью, в сковородке дымилась только что приготовленная им картошка с мясом.

– Проголодались, наверное, сказал он, видя, как они набросились на еду. Вот сало, возьми. Или вы не едите сало? – улыбнулся он.

– Нет, едим, – сказал Сабир, хватая толстый кусок сала и жадно его откусывая.

– А что вы здесь делаете? – спросил старик.

– Работу ищем, – напряженно сказал Сабир.

– Ну, я так и думал. Вы ешьте пока, сейчас приедет мой сын. Я ему позвонил уже. Если договоритесь, он даст вам работу.

Старик налил им чаю. По-русски, сперва из заварного чайника темно-густую жидкость, затем долил сверху кипятка.

После выпитого чая они вышли во двор, взялись за лопаты.

– Оставьте, не надо, нет, лучше закопайте, скомандовал он.

Удивившись причудам старика, они стали бросать землю в яму. Они успели забросать яму только до половины, когда подъехал его сын. Подняв клубы пыли, его внедорожник остановился у родительского дома.

– Ну, батя, где твои работники? Надеюсь, не такие, как в прошлый раз? – сказал он родителю, входя через калитку.

– Нет, я проверил их, Андрей. Ребята работающие, вон какую яму мне за час выкопали, показал он на ребят и яму.

– Ну, это еще посмотрим, —сказал Андрей, подходя к ним.

– Что вы еще умеете делать? Или только землю умеете копать? – строго спросил он.

– Все умеем, – без колебаний ответил Сабир.

– Говорить все умеют, а он что может? – показал он на Шамурада.

– Он —еще не все, он подсобник, – честно ответил Сабир.

– В общем, я купил участок, хочу строиться. Но вас всего двое, этого мало.

– Я найду сколько хотите рабочих, – с уверенностью ответил Сабир, хотя, наверное, в этом не был уверен.

– Найду, говоришь? Ну, ладно, – согласился Андрей. – Сделаем так, сегодня уже поздно. Приходите завтра с утра. Завтра покажу вам участок. Привезу палатку, инструмент. Первое время придется вам спать в палатке. Потом начнем с дворовых построек, как закончите сарай, туда и переберетесь. Пойдет?

– Пойдет! – с радостью согласился Сабир.

В тот день старик не отпустил их. Сын его уехал. Он расспросил их, где они живут, узнав, что это так далеко, сказал:

– Оставайтесь здесь, переночуете у меня, зачем зря туда-сюда мотаться. С утра начнете работу и между дел съездите с Андреем за вещами.

К вечеру он натопил им баню. Шамурад, впервые купавшийся в русской бане, был ошарашен от пара и жара, визжал и кричал, когда его после пара Сабир обливал холодной водой.

Раскрасневшиеся, довольные, улыбающиеся, они сели ужинать. Старик, которого звали Юрий Степанович, был еще крепким, несмотря на то, что недавно ему перевалило за семьдесят. Невысокого роста, с крепкими плечами, с двухдневной щетиной. Копна седых волос на голове прореживалась залысинами. Кустистые брови выдавались вперед над округлыми темно-серыми глазами, смело смотрящими на собеседника.

Пока ребята мылись в бане, он так и не смог придумать, что приготовить на ужин, или просто не умел готовить больше ничего, кроме жареной картошки. Поэтому он разбил на жареную картошку пяток яиц. Угостил он Сабира двумя стаканами самогонки. Шамурад с неприличия от крепкого напитка отказался.

Жены его, Марьи Ильиничны, дома в тот день не было. Накануне она уехала к дочери в Серпухов, где та проживала с мужем и двумя детьми. Должна была она вернуться только завтра.

На следующее утро Андрей приехал к девяти часам. От отца он по телефону знал, что ребята остались у него. Усевшись в машину, они поехали на участок. Находился участок недалеко, примерно в двух с небольшим километрах, в новом районе поселка, который застраивался коттеджами. С собой он привез брезентовую палатку, спальные принадлежности и некоторые инструменты.

– Ну, что бойцы, начнем? —спросил он после того, как разгрузив все это из багажника, Сабир и Шамурад ждали его распоряжений.

– Как скажете, – ответил Сабир.

Андрей был высокий, плечистый как отец, мужчина лет сорока. Только глазами и бровями он походил на отца, в остальном, видимо, на маму, которую они еще не видели. Волосы светлые волнистые, нос прямой, неширокое, чуть вытянутое лицо с небольшим подбородком.

– Как я скажу, – задумался он. —Вот что, – прервал он паузу. – Начнем с надворных построек, прежде всего, конечно, и забор надо поднять. Сарай построить, пока холода не начались, чтобы было вам где жить. Вот чертеж. Ты в чертежах разбираешься? —спросил он у Сабира.

– Понимаю немного, – ответил он.

– Это хорошо, что понимаешь. Вы, давайте, обустроивайтесь, палатку поставьте вон там, – указал он, – чтобы не мешала во время строительства.

– Андрей-ака, обратился к нему Сабир, первым делом туалет надо поставить, а то видите кругом открыто. Куда мы бегать будем?

– А ты сообразительный, похвалил его Андрей. Вот этим и займитесь. Выкопайте пока яму для туалета. Вон там, указал он в сторону. Я сейчас поеду за стройматериалом, если будет готовая будка-туалет, привезу.

– А насчет обеда как? – спросил Сабир.

– Насчет обеда не беспокойся, обедом батя мой обеспечит. Подойдет к обеду, принесет вам поесть. Ты только ребят поищи, вдвоем вам не управиться, предупредил он, садясь в машину.

В тот день он завез стройматериал: щебень, песок, цемент, доски и готовую туалетную будку на одно место.

На следующий день утром к девяти часам пришел Юрий Степанович с завтраком и был очень поражен. До его прихода они вдвоем, встав с рассветом, успели поставить палатку и залить бетоном фундамент для сарая.

– Когда вы это успели сработать? – удивленно спросил он, не веря своим глазам.

– Сегодня встали пораньше – и вот успели, – гордо ответил Сабир.

– Да вы что, вдвоем все это сделали? — все еще не верил старик.

– Конечно, вдвоем, кто еще нам поможет? — обиделся Сабир.

На радостях он тотчас же позвонил по сотовому телефону сыну Андрею. Вечером, когда приехал Андрей, они вовсю уже заливали фундамент под забор.

– Я вижу, вам никого и надо, довольный работой сказал Андрей. И кладку вы сами будете делать? – спросил он.

– Посмотрим, если не управимся, я найду еще одного или двух земляков, – ответил Сабир.

До поздней осени они работали у Андрея. Поставили забор, все надворные постройки, сарай, гараж. Залили фундамент самого дома и подняли первый этаж. С кирпичной кладкой Сабир с одним Шамурадом, конечно, не смог бы управиться. Когда дело дошло до кладки, пришлось ему все-таки идти на поклон к шурина. Тот помог ему: нашел ему каменщика, и неплохого, и еще одного подсобного рабочего.

В середине ноября Андрей, очень довольный Сабиром и его командой, полностью расплатился и сам отвез ребят на вокзал. Помог с билетами и, посадив в поезд, взял слово, что весной они приедут обратно, доканчивать начатое ими дело.

Заработать он в тот год много, конечно, не смог, потому что половина сезона прошла, пока они начали самостоятельно работать. Но и не меньше того, что он получил бы, работая на шурина. Было сделано главное, он стал самостоятельным, и ему было, где начинать в следующем году.

В следующем году он приехал уже с полной укомплектованной бригадой. В бригаде были один каменщик высшего разряда, один штукатур, маляр и плотник, все хорошей квалификации и два подсобника – Шамурад и еще один парень. Когда шли каменные работы, работу вел каменщик, тогда он был главным, когда осуществлялись штукатурные работы, он становился штукатуром – и так по всем видам деятельности. Сабир был основным, бригадиром, старшим можно было назвать. На его плечах висели все организационные вопросы: поиск новой работы, договор с работодателями, с милицией, в общем, все. Поэтому и при делении заработанного ему полагалась одна лишняя доля. С этим все были согласны, никто не возражал.

С годами у него дела шли все лучше и лучше, с укреплением экономики России, укреплялась и его собственная экономика. За последние два-три года он купил машину, отремонтировал дом по евро стандарту, и теперь он мог позволить себе позвать к себе друзей в гости и накрыть роскошный стол. Шамурад, его верный адъютант, до сих пор работает с ним. Он теперь стал мастером на все руки, превратившись из худенького невзрачного кишлачного мальчика в степенного мускулистого парня. Осенью прошлого года женился, и теперь ждал первенца. Он также был с ними в тот вечер, разливал чай и водку по пиалушкам, помогал жене Сабира расставлять блюда с горячим. Стал веселым и жизнерадостным парнем.

Вечеринка приближалась уже к концу, когда Анвар заметил не очень веселое настроение у Уктама и Касыма, и как бы ненароком спросил:

– А вы что хмурые такие? Что случилось, Уктам? Или поссорились с кем?

– Ты что, с кем нам ссориться? Все нормально, – парировал Уктам.

Касым вовсе не удостоил его ответом.

В тот день неважное их настроение заметил лишь Анвар. Позже, недели через две, в конце января как-то спонтанно собрались Касым, Уктам, Анвар и Сабир. Решили посидеть у Рузмета-ошпаза в кафе. Тогда заметил и Сабир. Сидели в одной из кабин, ели рыбу и пили

по предложению Анвара сухое вино, что было необычно для друзей. Но Анвар так расхвалил узбекское вино, ставя в один ряд с лучшими французскими винами, что все согласилось. Вино они принесли с собой, зная, что у Рузмета-ошпаза сухое вино не водится, спроса на него не было.

Уктам мало разбирался в сухих винах, вина он почти не пил, так иногда, когда сидели с девушками и, не находя в немничего хорошего, быстро переходил на водку. Правда, в студенческие годы в Ташкенте в кафе в компании однокурсников и однокурсниц пили болгарские сухие вина, но это было давно, и вкуса он не помнил. Вино оказалось и на самом деле очень приятным на вкус, крепким, ароматно пахнущим. Опьянение от него было легким, томным.

– Да, вино и на самом деле оказалось очень хорошей вещью, – заметил Касым, залпом выпивая его остаток из своего бокала.

– А я что говорил, – подхватил Анвар, радуясь, что не ошибся в выборе. И вообще, может, совсем перейдем на вино, не будем больше пить водку. Только вино, как грузины или европейцы. Они только вино и пьют.

– Ну, скажем, они не только вино пьют, виски, водку, ликеры еще какие-то, – не соглашался Уктам.

– Но вино они больше употребляют, – парировал Анвар.

– Возможно, не спорю. Но нам до этого далеко. Это в корне культуры должно быть. А у нас как, мы к водке приучены. Более ста лет нас русские к водке приучали. Куда от этого денешься? Для этого еще столько времени надо, чтобы на вино перейти.

– Я, конечно, французских или там итальянских вин не пробовал. Но скажу вам —мне наше вино очень понравилось, – вставил свое слово Касым.

– Значит, и тебе вино по вкусу? А тебе? – обратился он к Сабиру.

– Ничего, пить можно, но, сколько его надо выпить, чтоб хоть немного почувствовать опьянение?

– А что, обязательно надо опьянеть, что ли? – не сдавался Анвар.

– Ладно, оставим это, меня другое интересует.

– Что? – спросил Анвар.

– Вот эти двое, —указал он на Уктама и Касыма. – Я вот смотрю и никак не пойму, что с ними случилось. Невеселые какие-то. Рассказывайте, что случилось? – в лоб спросил он их.

– Да ничего не случилось, – хотел было Касым уклониться от ответа.

– Вижу, что случилось, —не отставал Сабир.

– Да, правильно, я тоже давно заметил это, еще у тебя дома они были такие, как сказать, без настроения, —поддержал его Анвар.

Пришлось рассказать им, что гнетет их в последнее время.

– Ну, это не беда, а я-то думал. Переберетесь в другой город, мало ли городов в России?

– Ты не понял, Сабир. Это не только в Воткинске. Это по всей России. Вещевые рынки везде потихоньку вытесняют большие или малые магазины, супермаркеты, объяснил Касым.

– Да, ладно делать из этого трагедию. Найдете себе работу. Голова у вас на месте. Найдете, чем заняться. Или вон идите ко мне в бригаду. Кстати, Касым, ты сам строитель, любому фору можешь дать в этом деле, —не унимался он.

Для них это, конечно, не было вопросом, по крайней мере, не столь важным, чтобы переживать из-за этого.

Прошло еще несколько недель, февраль уже начал сдавать свои позиции. В последних числах февраля они с Касымом решили поехать в областной центр в Ургенч. У Касыма были какие-то дела в городе, заодно прошвырнуться по рынку, посмотреть, что к чему. С утра выехали на «Нексии» Уктама, через полчаса были уже на месте. Касым ушел по своим делам, Уктам остался в машине. Однако друг его вернулся очень скоро.

– Все что ли? —спросил Уктам.

– Да, все, выяснил все, что надо, ответил тот загадочно. Ну, поехали, что ли?

– Куда поедет-то? – спросил Уктам.

– Как, куда? На рынок, на ургенчский вещевого рынок. Кажется, ты туда собирался ехать.

– Ах, да, – завел автомобиль Уктам. – Может, Надира встретим, — предположил он.

– Не может, а точно встретим. Он же там работает, вот и найдем, – подтвердил Касым.

Ургенчский вещевого рынок располагался в центре города, соседствовал он с Центральным дехканским базаром. За последние десятилетия его не однажды перестраивали, сносили старые здания, чуть расширяли, строили новые, но не проходило трех-четырёх лет, как все повторялось заново. Опять сносили, чуть-чуть расширяли и опять строили. И каждый раз городские власти здорово грели на этом руки. Клочок земли под небольшой магазин размером пять на пять метров доходил от пяти до десяти тысяч долларов. Все это, конечно, шло в карман чиновников. Ни рынок, ни люди от этого никак не выигрывали, как был тесен вещевого рынок, таким он и оставался. Ни в одном городе и ни на одном рынке такой сутолоки, как здесь, не было. От прилавка до прилавка или от одного магазинчика до другого приходилось пробираться сквозь толпу, чаще боком.

Касым и Уктам, чтобы пробраться к месту, где торговал Надир, потратили более получаса. Торговал он под навесом где-то в середине рынка. Пробираясь бочком след в след, чтобы не затеряться, они, наконец, достигли цели. Увидев их, Надир настолько обрадовался, что аж бросился обниматься через прилавок, роняя ботинки и туфли подолом своего тулупа.

– Ребята, какими судьбами? Как я рад видеть вас! Уктам, Касым, молодцы. Молодцы, что приехали. Только на днях я думал о вас, – тараторил он, не давая им слова. — Давайте, перелезайте сюда. Ну, проходи, Касым, не стой там в толпе.

Уктам, подняв упавшие ботинки и водрузив их на место, протопал в небольшой проход, следом за ним протиснулся и Касым.

– Ну, как вы? Как Воткинск? Как там в России? Вы бы знали, как я скучаю по России, не умолкал он.

– Да как тебе сказать, – начал Уктам, после того, как они еще раз обнялись и уселись на коробку из-под товара. – В общем, сейчас там не так, как раньше.

– Минуточку, – прервал он его, обернувшись к покупателю, спросившему его о чем-то. – Так о чем ты? – обернулся он через некоторое время. Затем опять повернулся к клиенту, желающему узнать цену на очередной ботинок.

Более часа они просидели у него в лавке, так толком и не поговорив. Каждый раз, как только он оборачивался к ним, чтобы поговорить, какой-нибудь покупатель привлекал его внимание, спрашивая о чем-то.

– Посидите немного, еще чуть-чуть, сейчас должна подойти жена с обедом для меня. Я оставлю ее здесь, а мы пойдем куда-нибудь. Пообедаем вместе и поговорим, – сказал он, поняв, что толком здесь ни о чем не смогут поговорить.

Жена его не заставила себя долго ждать, не прошло и получаса, как она появилась из толпы покупателей, неся в одной руке небольшую сумку с едой для Надира, а другой расталкивая народ и освобождая дорогу к прилавку.

– Вот и она, обрадовался Надир, – завидев ее. – Проходи сюда. Друзья приехали из Учкуприка. Мы в кафе пообедаем, – указал он на Уктама и Касыма.

Рада этому она, конечно, не была, но пришлось втиснуться в щель между прилавком и встать вместо мужа. Сухо поздоровавшись с друзьями мужа, она сочла своим долгом предупредить, чтобы долго не задерживался.

– Ничего с тобой не случится, если часок постоишь, грубо прервал ее Надир.

Она ничего не ответила.

Небольшого роста, кареглазая, она на лет пять или шесть была моложе Надира. Если бы не довольно большой нос и легкая полнота, ее можно было бы назвать красавицей. Платок

и теплое пальто землистого цвета совсем портили ее. Было видно, что она недовольна этими обстоятельствами.

– Не обращайтесь, внимания. Пошли, – повел он их за собой. Повел он их какими-то окольными путями наискось, то боком, то обеими руками раздвигая толкотню, быстрыми шагами, насколько это позволяла толпа, он в течение некоторого времени вывел их за пределы рынка.

– Пошли, вон там, недалеко через дорогу есть хорошее кафе, корейское, там и посидим. Народа там много не бывает. Можно спокойно посидеть, поговорить, – бодро шагая, говорил он им.

Кафе выглядело очень даже пристойно, небольшой зал был обставлен дюжиной столиков на шесть и четыре персоны, накрытые белоснежной скатертью. Столы на шесть персон были вдоль стен и отделены друг от друга легкой ширмочкой, выполненной из тонких реечек с узорчатой решеткой, покрытой лаком. Бокалы с золотой каймой, посуда, фужеры с длинной ножкой, малюсенькие рюмочки и столовые приборы, расставленные по обеим сторонам тарелок, придавали respectable вид заведению. Само помещение было отделано красивыми обоями, на потолке ажурные люстры и, самое интересное, на стенке за каждым столом в рамочке для картин изящной вязью были запечатлены Рубаи Омара Хайяма. Все приведенные четверостишия так или иначе затрагивали тему застолья, вина.

При входе встречал метрдотель, молодой парень-кореец, и сопровождал до столика. Обслуживали молодые аппетитные официантки, также корейской национальности.

– Прямо, как в лучших заведениях Европы, – удивился Касым.

– Да, ничего, классное заведение, – согласился Уктам. – Нет, в Учкуприке еще далеко до этого.

– Ну, почему же? – не согласился Надир. – Не пройдет года или двух, у вас тоже будет такое. Цивилизация наступает, дойдет и до вас.

– Ну, дай бог, – сказал Уктам, проходя ближе к окну.

Народа в кафе и на самом деле было немного, если не сказать, совсем не было. В дальнем углу сидели парень с девушкой, и в середине только перед ними уселись за четырехместный стол две женщины и мальчишка лет десяти. Но и время было еще раннее, был только двенадцатый час.

– Что будем кушать? – спросил Надир.

– А что здесь есть? – поинтересовался Уктам.

– Все! Даже собака, – улыбнулся Надир.

– Не понял?

– Это же корейское кафе. Есть же из собачатины, суп собачий, все что хотите. – Нет, нет, собачатину не буду! – сразу отрезал Уктам.

– Я тоже, отказался Касым. – А что, только из собачатины готовят здесь? – спросил он.

– Да нет, здесь все есть: и из говядины, и из свинины, и из баранины готовят, все что захотите.

– Ну, ты же знаешь, что у них самое лучшее, вот ты и выбирай.

– Хорошо, согласился Надир. Салаты у них неплохие, запиши два вида салата, на первое – кук-си, а на второе – шашлыки. Из чего хотите – баранины или свинины?

– Из баранины, конечно. Свинины в России наелся, —высказался Уктам.

– Баранина, так баранина.

Официантка принесла заказанное и удалилась.

– Ну что, рассказывайте. Как дела, как успехи? – спросил Надир, с удовлетворением потирая руки.

– Какие успехи? Нет никаких успехов, – честно признался Касым.

– А что так? – удивился Надир. – Вроде бы в прошлом году, когда мы встречались в последний раз, говорили, что все хорошо. По несколько точек имели. Я думал, вы совсем уже раскрутились, магазины свои имеете.

– Нуда, раскрутишься тут. И Касым вкратце рассказал обо всем, что произошло за последние полтора года.

Надир сразу понял суть произошедшего.

– И что, во всех городах России так, что ли?

– Ну, может в глубокой провинции еще не так, но думаю, и там через год другой будет так же, как и везде.

– И что вы собираетесь делать? – спросил он озадаченно.

– Не знаю. Еще не решили. Все еще думаем.

– Подождите, озаботился он чем-то. Вытащил из кармана мобильник и позвонил кому-то. Руслан, привет дружище, сказал он по телефону. Ты еще здесь? Да? Ну, отлично. Ты бы не мог подойти в кафе «Оазис»? Ну, в то, что рядом с базаром. Здесь друзья приехали из Учкуп-рика. Посоветоваться надо с тобой. Ну, все, жду тогда, – отключил он сотовый. Приятель мой, в параллельных классах учились. Он на Украине работает. Может, подскажет чего-нибудь. Сейчас он будет здесь.

Когда подошел Руслан, они ели кук-си. Корейское блюдо из тонкой длинной лапши, заправленное мелкими кусочками мяса, свежими овощами в соевом соусе. Обычно кук-си ели летом в холодном виде, но можно было и с горячим бульоном.

– Кук-си будешь? – спросил у него Надир, когда Руслан поздоровался со всеми и сел на свободное место рядом с Касымом.

– Нет, не хочу, отказался он.

– Хорошо, сейчас шашлыки подойдут. От шашлыков, наверное, не откажешься, сказал Надир, наливая ему в рюмку водки.

– Шашлыки буду. Ты только наливай всем, чего только мне налил.

– Налью. Знакомься, это Уктам, а это Касым. Они в России, в Оренбурге, вместе работали, —представил он их ему.

Выпили за знакомство. Пока несли второе блюдо, он рассказал ему о проблемах, возникших в России у друзей.

Друг Надира несильно отличался от него самого. Такого же телосложения и лицом чем-то походил на него. Прямой правильный нос, карие глаза на светлой коже лица, чуть выступающий подбородок. Вот только цвет волос у него был скорее темно-каштанового цвета, чем черного.

– Да, я знаю, слышал, – подтвердил Руслан. У нас такого еще нет. На Украине пока во всех городах вещевые рынки как были, так и остаются.

– Ну вот, Уктам, Касым, может, махнете на Украину? – предложил Надир.

– А что, давайте, поехали. Помогу, чем смогу, – отозвался Руслан.

– А ты в каком городе работаешь? – спросил Касым.

– В Боярке, это недалеко от Киева. Но я там больше работать не хочу. В Донецк хочу перебраться, та намного лучше. Раньше я там работал. Черт меня дернул, не знаю, почему я оттуда переехал, – сказал он, почесывая затылок.

– Не черт, а чертиха, наверное, – подколот его Надир.

– И то верно, – улыбнулся он. – Но с другой стороны, места там замечательные. Леса, озера, красота одна.

– А в Донецке? – спросил Уктам.

– Там таких мест нет. Ну, там тоже есть места, но не такие. Зато торговля там лучше. У меня в Боярке остались кое-какие дела, в любом случае, я должен сперва туда поехать, а затем уже в Донецк.

– А когда ты уезжаешь? – спросил Касым.

– На днях. Максимум через неделю. Если решитесь, можем выехать вместе, предложил он.

Пообещав подумать, обменявшись телефонами и наевшись шашлыков, они расстались.

– Ну, как тебе предложение Руслана? – спросил Уктам у Касыма, когда они выехали в сторону Учкуприка. Что скажешь?

– Нормальное предложение. Просто удивляюсь, как сам не додумался до этого. Я же несколько раз бывал на Украине, еще в самом начале.

– Значит, поедem на Украину.

– А что нам другого остается? Не пойдем же, и в самом деле, в гастарбайтеры на стройку. Были бы моложе, еще можно было бы подумать. Нам уже скоро сорок стукнет, и менять опять профессию совсем не годится.

Через день позвонил Руслан и сказал, что он выезжает двадцатого числа, и спросил у них, намерены ли они поехать с ним.

Касым спросил у него, сколько времени займут его дела в Боярке. Он ответил, что не более недели.

– Давай тогда мы приедем к тому времени, когда ты закончишь свои дела. Зачем мы будем болтаться под ногами, без какого-либо толка? Зачем лишние траты и тебе, и нам?

– И то верно, согласился он. Тогда сделаем так. Я поеду и закончу свои дела, и за несколько дней до этого позвоню вам. Встречу вас в Киеве и оттуда двинем в Донецк. Пойдет? – спросил он.

– Это другое дело. Конечно, пойдет, — согласился Касым.

– Вы только самолетом вылетайте. Это хоть чуть и дороговато, но быстрее.

– Хорошо, – выразили они свое согласие.

В первых числах марта они вылетели из Ташкента в Киев. В аэропорту «Борисполь» их встретил Руслан. Приехал он встречать их не один. На автостоянке ждал их его товарищ на красной «девятке».

– Володя, – представил он его им.

Как было видно по дорожным указателям, ехали они по шоссе в сторону Киева. Не доезжая до столицы, по обводной дороге свернули налево.

– А что, мы в Киев не заедем? – с досадой спросил Уктам.

– Нет. Нам в другую сторону.

– Ну, хоть город посмотрели бы.

– Успеешь. Будем уезжать, посмотришь, сказал Руслан.

– Там до недавнего времени такое творилось, — вмешался в разговор Володя. – Ты же уехал, не знаешь.

– Видел я. Перед отъездом домой. Даже не поленился и сходил на Крещатик посмотреть на этих оранжевых. Вся площадь была в палатках. Но они добились своего, молодцы, выбрали своего президента.

– Что, думаешь, этот лучше будет? – спросил Володя.

– Откуда я знаю. Я у тебя должен спрашивать, это же вы выбрали его.

– Я лично не выбирал. Я даже и на выборы не ходил. Один черт, все они ворюги, в какой бы цвет они не перекрашивались, в сердцах ответил Володя.

– Возможно, ты и прав. Поживем, увидим, согласился Руслан.

Ехали они в это время по мосту через Днепр. При виде этой широкой водной глади, красоты побережного зимнего леса у Уктама аж дух захватило. Днепр был настолько широк и величествен, что не восхититься, действительно, было нельзя. Только Волга, великая река Волга, могла соперничать с ним. Не однажды и не в одном месте пересекая Волгу, он не видел такой красоты, такого роскошного леса. Но Волгу видел он или в городах, или где была сплош-

ная степь. Хоть в ширину Волга превосходила Днепр, но была такой же могучей и красивой, как и он.

Боярка была еще ближе к Киеву, чем Борисполь. После моста проехали, может быть, километров сорок, не больше. Городок был небольшой, намного меньше, чем Воткинск, но побольше Гая.

Руслан привез их в дом, где снимал квартиру. Это был одноэтажный дом в частном секторе. Вся неширокая улица была застроена похожими один на другой домами. В доме встретили их хозяева: высокий худой мужчина преклонного возраста в очках на длинном носу и его жена, баба Маня, невысокая, седовласая, с округлым лицом и светло-голубыми глазами.

– Добреньки будете, добреньки будете, – ласково приветствовала она их.

– Ну, хлопцы, здравствуйте, – крепко пожал им руки хозяин Павел Андреевич. – Как доехали, хлопцы? Ставьте свои саквояжи вон туда или занесите в комнату к Руслану. И на кухню.

Баба Маня на кухне колдовала над кастрюлями.

– Я борщ сварила, как любишь ты, – ворковала она, обращаясь к Руслану. – И котлеток нажарила, как ты просил. – Володя, ты что стоишь, как не свой. Проходи, садись, – окликнула она водителя.

– Да я вот думаю, машину что ли сперва в гараж загнать. Руслан, никуда больше не поедем? – осведомился он.

– Нет, конечно, иди, поставь машину и побыстрее возвращайся, одобрил он его.

Володя вернулся еще до того, как они уселись за стол. Жил он здесь совсем рядом, сотня метров отделяла их дома.

На кухне пятеро мужчин ели приготовленное за небольшим кухонным столиком. Увидев на столе тонко нарезанное сало, соленья и почувствовав запах борща, Уктам только теперь понял, насколько он голоден. За целый день они толком и не поели, утром они наспех позавтракали в ташкентском аэропорту, в самолете им подали еду, состоящую из крошечного куска курятины с тонкой долькой огурца, совсем уж малюсенький кекс и напитки. Летели больше трех часов, с посадкой, с приземлением все это заняло еще пару часов, и сюда ехали больше часа.

Первым его желанием было взять кусок сала и быстро положить его в рот, но он еле сдержался. По глазам Касыма было видно, что и с ним творится нечто подобное.

– Кушайте, кушайте, – приговаривая, подавала баба Маня тарелки с борщом на стол.

Муж ее, Павел Андреевич, тем временем был занят разливанием горилки.

– Ну, за вас, за ваш приезд, хлопцы, – сказал он и, не чокаясь, залпом выпил.

Не чокаясь, выпили и они. На голодный желудок горилка прошла, обжигая все внутренности, и охватила жаром весь желудок. С хрустом откусив соленый огурец, Уктам быстро разжевал его. Не проглотив огурец, он вилкой зацепил маленький кусочек сала и тоже отправил его в рот. Наполовину разжевав, проглотил и его. Только после этого почувствовал, как горилка теплой волной расходитя по организму. Почувствовал теперь и ее крепковатый особый, только горилке свойственный, привкус. Она была намного приятнее русского самогона.

Борщ украинский был настоящим произведением кулинарного искусства. Ярко-бордовый с белым пятном сметаны посередине, от одного вида которого слюнки текли. После борща баба Маня подала котлеты, пышные, большие – с ладонь, они были не менее вкусными. Бутылка с горилкой они опустошили. Павел Андреевич пошел было за второй, но баба Маня и Руслан воспротивились.

– Хватит, Павлуша, – сказала баба Маня. Не видишь, у хлопцев глаза закрываются, уставшие они с дороги, а ты им без конца наливаешь. Осоловели они.

– Да, Павел Андреевич, не будем больше пить, – поддержал ее Руслан.

И на самом деле, Уктам впервые за многие годы почувствовал себя пьяным. Подействовала ли на него крепость украинской горилки или то, что начали пить они на голодный желудок

и еще усталость с дороги, возможно, и то, и другое, но он в глубине сознания понимал, что он сегодня очень пьян. Уктам словно в тумане запомнил, как Руслан повел его к кровати, как уложил его полураздетым.

Проснувшись утром, он увидел, что кровать рядом с ним пуста, но не была заправлена, кто-то на ней спал и, видимо, только что вышел.

– Касым, наверное, – подумал он, озираясь по комнате. Она была небольшая, две железных кровати, бельевой шкаф и тумбочка и табурет – вот все, что было там, половик между кроватями. Чистая уютная комната, чистое белое в синий цветочек постельное белье. Встать или не встать? — думал он, когда вошел Касым, в брюках и в майке.

– Проснулся? – взглянул он на него. Ну, вставай, иди, мойся, хозяйева заждались, завтракать будем.

Уктам быстро вскочил и побежал в уборную, находящуюся во дворе. Вернулся, потом оделся и вышел на кухню. За вчерашним столиком сидели Павел Андреевич и Касым. Тетя Маня, как всегда, находилась у плиты.

– Ну вот, проснулся, проходи сынок, садись, а то друг твой без тебя не ест, — сказала она ласково.

– Садись, Октам, правильно сказал я твое имя? – засмеялся Павел Андреевич.

– Да, правильно, улыбнулся он.

– Ну что, хлопцы, по полстопочки для здоровья налью? — предложил он, берясь на бутылку такого же размера, что и вчера.

– Нет, нет! – запротестовали оба друга.

– Не надо, не будем, – твердо сказал Касым.

– Но голова-то, наверное, болит? – не унимался старик.

– Что ты привязался к ним со своей горилкой. Видишь, не хотят хлопцы вина твоего, – закричала на него баба Маня.

– Ну, все... все не хотите, не надо. И я не буду, – сдался Павел Андреевич.

– А где Руслан? – спросил Уктам.

– По делам уехал, обещал к обеду вернуться, – сказала бабуля.

Позавтракали, стали пить чай с вишневым вареньем. Говорили о том, о сем.

– Баба Маня, садитесь, попейте чаю с нами, – пригласил ее к столу Уктам.

Она села, Касым налил ей чаю. Время шло, Руслана еще не было.

– Вот и он уезжает от нас, глубоко вздохнула баба Маня с сожалением. Привыкли мы к нему, как к родному привыкли, —опять вздохнула она.

– Но, что тут поделаешь? Молодым не сидится на одном месте, – стал успокаивать ее муж.

– Душа в душу мы с ним жили, – начала она опять. —Родные наши Андрюха и Петя были не столь близки, как он. И относился он к нам как к родным. Любую просьбу нашу выполнит, и он для нас был как сын.

– А дети ваши где? – спросил Касым.

– Дети? – ответил, словно очнувшись, Павел Андреевич. Андрей – в России, он в Питере живет с семьей, как уехал туда учиться, так и остался там. А Петруня у нас военный, сейчас он в Крыму, до майора дослужился, —гордясь за детей, ответил старик.

– Приезжают-то хоть? – спросил Уктам.

– Приезжают, но редко. Петруня раз в год, а Андрей – уже третий год как нет. Правда, звонит, звонит часто, спрашивает о здоровье, не нужно ли чего-нибудь. Телефон даже вот, – он вытащил из кармана сотовый телефон «Нокиа» и показал, – это он мне купил. Привез из Питера еще тогда. Хорошая я тебе скажу штука. Мастаки на это американцы, на такие штучки. Придумать же?

– Это не американцы придумали, а финны, поправил его Касым.

– Ну, пусть будут финны, согласился он. Подожди, как финны? – восторженно воскликнул старик.

– Нет, первым в Финляндии было придумано.

– Смотри-ка, а я думал американцы.

Руслан к обеду так и не подъехал, приехал он только к вечеру.

– Извините, парни, так получилось. Все дела закончил. Успел и в Киев съездить, билеты купил на завтра, сообщил он. А вы что, никуда не ходили, дома сидели, что ли?

– А куда нам пойти? Мы здесь ничего и не знаем, — ответил Касым.

– Да что здесь надо знать: две улицы и три переулочка – вот тебе и вся Боярка, – засмеялся Руслан.

– Обижаете, парень, – заступился Володя, —приехавший вместе с ним. —Боярка наша лучше любого города не только на Украине, но и на все свете. И не такой уж маленький, – возгордился он своим городом.

– Да шучу я, шучу, – еле отбилась от него Руслан.

Ужин стал готовить Касым, он проявил инициативу приготовить плов. В плове не хватало только специй, но в целом он получился отличным, ароматным, вкусным. Все с восторгом стали хвалить плов и самого Касыма. Особенно, Павел Андреевич.

– Вот какой, оказывается, бывает настоящий плов. А ты нам, Руслан, что готовил? Кашу рисовую, – упрекнул он квартиранта.

– Павел Андреевич, я же вам много раз говорил, что не умею я варить плов, не умею. Для этого талант нужен, а у меня его нет, – закончил он.

На ужине присутствовал еще один человек, девушка. Она пришла незадолго до ужина. Звали ее Оксана, она была девушкой Руслана, вот почему, оказывается, тот вчера не ночевал дома. Он только утром зашел на минуту, чтобы предупредить бабу Маню.

Оксана была красивой, статной девушкой. Ее зеленые глаза, рыжеватые волосы, алые припухлые губы и несколько веснушек под глазами могли свести с ума любого мужчину. Она была невеселой, грусть овладела ее сознанием, грусть расставания. Она думала о Руслане, осознание того, что он уезжает из Боярки и что они расстанутся, нагоняло на нее тоску. Хотя Руслан неоднократно уверял ее в том, что, перебравшись в Донецк, он через неделю – от силы две недели вызовет ее туда. Обустроившись, сняв квартиру, начав работать, он обязательно вызовет ее к себе. Но какой-то червь сомнения не давал ей покоя. Руслан и сейчас всячески угождал ей, пытаясь рассмешить ее, оживить. Порой у него получалось, а порой нет.

Полужинав, не допив бутылку до конца, хотя сколько бы не настаивал на этом Павел Андреевич, объяснив ему, что с пловом много пить не положено, они встали. Руслан, как и вчера, ушел с Оксаной. Владимир ушел чуть раньше. Уткам с Касымом пошли спать.

Утром следующего дня стали собираться в дорогу. Провожать их к калитке вышли Павел Андреевич и баба Маня. Обняв Руслана, она расплакалась, даже Павел Андреевич, пожав каждому руку, последним Руслану, изменившимся голосом сказал: —Ты уж не забывай нас, сынок, приезжай. Мы всегда рады будем тебя видеть.

Оксана поехала с ними в Киев, до вокзала. Киев встретил их оранжевым цветом. Прошедшие два месяца назад выборы еще долго не могли выветриться из сознания и глаз киевлян. Киев поразил Уткама и Касыма своей красотой и неповторимостью. Проезжая по Крещатику, они восхищенно озирались по сторонам. Любовались красотой домов и дворцов, непохожих друг на друга, величием и помпезностью, кронами каштанов, которые, надо полагать, выглядели еще красивее, когда были покрыты зеленью. До отхода поезда времени было еще достаточно и поэтому, воспользовавшись случаем, Володя целый час катал их по улицам Киева, показывая его достопримечательности.

Приехали на вокзал. Вокзал в Киеве также поразил их своей красотой и величием. Огромное здание вокзала было построено в стиле позднего барокко, смотрелось оно скорее, как какой-то роскошный дворец, чем вокзал.

До отправления поезда оставалось больше часа времени, и друзья решили перекусить в буфете или в ресторане вокзала. Поставив «девятку» Володи на автостоянку, все вместе вошли в здание вокзала. Впереди Руслан, за ней Оксана и другие. Направились к буфету, находящемуся справа от входа в зале ожидания. Проходя мимо сидящих, полулежащих и стоящих пассажиров, Уктам вдруг увидел лицо женщины, показавшееся ему очень знакомым. Он еще раз взглянул на нее, присмотрелся пристально и сразу вспомнил. Живо дернул он за рукав Касыма, идущего впереди и остановил его.

– Касым, взгляни, – указал он в сторону знакомой.

Касым взглянул в указанную сторону и тоже узнал.

– Мавлюда-опа, кажется, —сказал он.

Да, это была она, их давняя попутчица, Мавлюда Саидовна. Она была вся заплаканная, и поэтому трудно было узнать ее с первого взгляда.

– Что с ней, кажется, она плачет, – добавил Касым.

– Да, вижу. Пойдем, поздороваемся и узнаем в чем дело.

Руслан и Оксана, обернувшись, остановились в десятке шагов от них. Володя шел сзади и стоял, пока они не двинутся. Развернувшись, они прошли по проходу между креслами, подошли к Мавлюде Саидовне и поздоровались с ней.

Она, мельком взглянув на них, не узнала их с первого взгляда. Поздоровавшись машинально, она опять опустила заплаканное лицо к кулаку с платочком.

– Мавлюда-опа, что с вами? – учтиво спросил Уктам.

На этот раз, подняв голову, она сразу узнала ребят.

– Ой, Уктамжан, Касымджан! – воскликнула она и опять зарыдала.

– Что случилось, Мавлюда-опа? – присел на корточки перед ней Касым. Почему вы плачете?

– Ее мошенники обманули, кинули на тысячу долларов, сказала сидящая рядом женщина. Только теперь Уктам обратил внимание, что она была не одна. С ней вместе была эта женщина, она тоже была их землячкой и почти такого же возраста, что и Мавлюда Саидовна. Это была худощавая, с большим носом и большими черными глазами, женщина.

– Кто это сделал? Кто обманул? – одновременно воскликнули Уктам и Касым.

– Валютчики, доллары которые меняют, всхлипнув от плача, проговорила Мавлюда Саидовна.

– Кто, говорите? – чуть отодвинув в сторону Уктама, спросил Руслан, тоже подошедший к ним.

– Валютчики-менялы, повторила она, опять рыдая, вместо тысячи долларов подкинули мне сто девять долларов, вытащила она доллары из-под лифчика. Одну сотенку и девять по одному доллару, показала она им.

– Понятно. Куклу подсунули. В милицию не обращались? – спросил Руслан.

– Какая милиция, что они могут? – не переставала плакать бедная женщина.

– Так, понятно. Вы подождите здесь. Я сейчас, – сказал Руслан и ушел куда-то.

Через минуту он вернулся. —Пойдемте, апа, – позвал он с собой Мавлюду Саидовну.

– Куда? – растерялась она.

– В милицию. Я договорился, они вернут ваши деньги, только не все. Половину. Вы согласны?

– Да... да... согласна, хоть на половину согласна, – появилась небольшая радость на ее лице.

Всей гурьбой они пошли за Русланом. Возле комнаты милиции он остановился.

– Вы стойте здесь, а лучше, вообще, идите, – опомнился он. – А то, увидев целую толпу, они могут еще передумать. Идите лучше в зал. И ты, Оксана, иди с ними. Подождите там, – махнул он в сторону зала ожидания.

– Правильно, пошли все, – согласился Уктам.

Прошло около получаса, время отправления их поезда приближалось, как вдруг в десятке шагов от них показался Руслан Мавлюда Саидовна, с сияющим лицом

– Ну как, все нормально? – вскочил с места Касым, за ним и Уктам.

– Все нормально, – улыбнулся Руслан. Я знал этих сволочей: и этих кидал, и этих в погонах. Они же все контролируют, из одного корыта кормятся. Вот сволочь, —опомнился в последний момент, ругал он милиционера, который вернул доллары Мавлюде Саидовне.

– Представляешь, Уктам. Я же с ним обо всем договорился. Но он нашел этих прохиндеев. Они же знают, кто чем тут занимается. Забрал у них баксы Мавлюды-опа, отдал ей 500 из них. Мы уже уходили, сказав ему «спасибо», даже большое – большое «спасибо», как он вдруг пересчитал оставшиеся у него и понял, что просчитался, отдал нам не четыре-ста пятьдесят, а пятьсот. Не поленился догнать и вернуть пятьдесят долларов себе. Не знал, что у Мавлюды Саидовны остались еще девять дополнительных долларов. Вот сука! А то, что за несколько минут прикарманил 450 баксов, не считается. Ну, что можно сказать о таких, как он? —горячился Руслан.

Зато Мавлюда Саидовна была радостна. Ладно, сынок. Бог с ним. А если бы и эти деньги не вернули? Тогда бы что я делала? – говорила она. Спасибо вам всем. Спасибо и вам, Уктамжан, Касымджан, с волнением говорила она.

– Ребята, время. Посадку давно уже объявили, – напомнил всем Володя.

– Ну, все, пошли, ребята. Всего хорошего вам, апа, – поторопил всех Руслан.

– До свидания, Мавлюда-опа, попрощались Уктам и Касым.

– До свидания, ребята. Дай вам Аллах всего того, что вы желаете. Еще раз спасибо, благодарил она с выступившими на глазах слезами. Аллах послал вас мне. Спасибо! – и вдруг, вспомнив, подбежала к удаляющимся ребятам, обняла их по очереди и расцеловала в щеки. Спасибо, – слышался еще ее голос.

До отправления поезда оставалось минут пять, они быстрыми шагами дошли до шестого вагона, указанного на билете, и встали возле дверей тамбура.

Уктам и Касым, попрощавшись с Володей и Оксаной, вошли в вагон. Володя, обняв Руслана, крепко прижал к себе, чуть приподняв того от земли.

– Ну, друг, прощай, свидимся ли мы с тобой, не знаю, но ты был хорошим другом.

– Может, все-таки, до свидания, сказал Руслан.

– А бог его знает. Дай бог, чтобы мы опять встретились. В общем, телефон ты знаешь. Звони. До свидания, еще раз, – сказал он от души. – Не буду вам мешать. Оксана, я в машине тебя подожду, – сказал он, удаляясь.

Теперь у Оксаны появились на глазах слезы. Она беззвучно обняла Руслана и наклонила голову к его плечу.

– Ну, что ты, перестань, стал успокаивать ее Руслан. Я же сказал, приеду, подыщу квартиру, сразу позвоню.

Касым спустился обратно, взял сумку Руслана и вновь поднялся на тамбур.

– Мы будем в купе, шепнул он Руслану.

Поезд тронулся, когда в купе вошел Руслан.

Глава 3.2

Ярким солнечным утром встретил их Донецк. Сойдя с поезда, Руслан, а за ним Касым и Уктам направились к автобусной остановке.

«Ж. д. вокзал – Горловка» большими буквами было написано на табличке на лобовом стекле маршрутного такси, куда сели друзья.

– А куда мы едем? – спросил Уктам.

– В Горловку, там у меня друг работает. День-два у него перекантуемся, пока не определимся, и с квартирой не решим, — ответил Руслан.

– А это далеко?

– Нет, около часа езды, – пояснил Руслан.

Судя по названию, Уктам думал, что Горловканебольшой городишко вроде Гая или может чуть больше, а когда они приехали, он понял, насколько он ошибался. Это был большой промышленный город. Одних только заводов-гигантов там было несколько. Сам город был намного больше Воткинска, а возможно, даже больше Ижевска. Правда, особой красотой он не отличался. Многоэтажные дома были похожи один на другой. Только в самом центре, где располагалась городская администрация, было чуть большеобразнообразия, да и улицы были шире.

Приехав в Горловку, он оставил их в небольшом скверике рядом с автовокзалом, сказав: —Вы подождите здесь. Что мы будем всей гурьбой кочевать, дальше я поеду один. Здесь недалеко, на вещевом рынке ключи возьму и вернусь. Они не стали возражать, и в правду, зачем таскаться всем только за одним ключом.

Через час-полтора он вернулся с ключами. Поехали по адресу на квартиру друга Руслана. Взяли такси, чтобы не искать в незнакомом городе незнакомый дом. Таксист привез их по указанному адресу.

Квартиру нашли быстро. Находилась она на втором этаже пятиэтажки, и была точной копией той квартиры, что снимал он в Гае. Все необходимое для сносного существования там было. Кровати в спальне, старый диван, растрепанное кресло, телевизор какой-то и кухня со старьем.

Теперь надо было подумать о желудке, который давно сигнализировал о своем существовании. Додумались только до того, чтобы пойти всем вместе и покушать где-нибудь. Расспросив прохожих, зашли в расположенный неподалеку кафетерий, перекусили там булочками и кофе с молоком. На обратном пути зашли в магазин и закупили продукты.

К пяти часам вернулся хозяин и не один, с ним был его напарник по работе и по квартире. Звали его Бахтияр, а товарища его – Шакир. Оба они были одного возраста, около тридцати лет. Бахтияр был рослым, кареглазым, с высоким лбом парнем, чего не скажешь о Шакире. Тот был, напротив, щуплым, если не сказать хилым, с глубоко посаженными черными глазами, так и сверлящими собеседника из под густыхбровей. Ни дать, ни взять Зиновий Гердт в молодые годы.

К их приходу Касым уже готовил ужин.

– Ты извини, что без тебя мы начали у тебя хозяйничать, —сказал Руслан Бахтияру.

– Да что тут такого, наоборот, освободили меня от лишнего труда. Это я вам должен был приготовить ужин как хозяин, – ответил Бахтияр.

– Ну и ладненько. Давайте тогда поужинаем, заодно и посоветуемся. Касым, как у тебя там, готово? – крикнул он в кухню.

– Еще минут двадцать, —ответил он.

– Ну, что нам посоветуешь? – задал вопрос Руслан хозяину, когда ужин подходил к концу.

– Что я могу тебе посоветовать, ты же лучше меня все знаешь. Когда я приехал сюда, ты здесь вовсю шуровал, — ответил он.

– Но это было когда? Я уже два года не здесь, может что изменилось?

– Ничего тут не изменилось. Как было, так и остается.

– Ты в Горловке хочешь работать? – спросил он в свою очередь.

– Нет, наверное. Ты же знаешь, большие города – это не для меня. А Касым с Уктамом, не знаю. Сами пускай решат.

– По-моему, и нам тоже будет лучше в каком-нибудь городке поменьше, — сказал Касым.

– Это не проблема, таких городов здесь с полсотни, если не больше, – вставил Шакир.

– Вы нас приютите на несколько дней, пока мы найдем квартиру и место работы? – спросил Руслан.

– Да, пожалуйста. Живите сколько хотите, — дали согласие оба напарника.

Два следующих дня они ездили по городам, городкам, поселкам Донецкого края, приглядывались к рынкам, к торговле, расспрашивали у земляков, работающих на этих рынках, о контингенте населенных пунктов, о ценах на квартиры и прочих нюансах. Уставшие, возвращались в Горловку на квартиру Бахтияра и обсуждали полученные сведения. На третий день пришли к окончательному решению.

Работать всем троим в одном городе не было смысла, поэтому для начала было решено, что Руслан возьмет себе для работы Краматорск, а Касым с Уктамом решили начать в Артемовске. Все эти города были похожи друг на друга, с той лишь разницей, что в одном из них жителей было чуть больше, в другом — чуть поменьше.

Еще день потребовался, чтобы найти квартиру, договориться с администрацией рынка о предоставлении места для торговли. Решив все эти вопросы, на пятый день, поблагодарив Бахтияра и Шакира, они съехали с их квартиры. Уктам и Касым остались в Артемовске, а Руслан поехал дальше в Краматорск.

В первые месяцы они с Касымом работали вместе, как в самом начале. Совместно арендовали одну торговую точку. Было это наподобие магазинчика-контейнера площадью около 15 квадратов. Такие магазины-контейнеры шли ряд в ряд по обеим сторонам рынка, а посередине стояли два ряда прилавков в разные стороны. Открывались и закрывались они рамами, с раздвижными металлическими жалюзи, очень удобными в обращении. Одним движением жалюзи поднимались вверх, открывая обзор на весь киоск, а вечером, опустив рамы и закрыв их на замок, можно было уходить домой. Не надо было, как в Гае или Воткинске, каждый день с утра раскладывать товар, а вечером убирать, чтобы завтра опять все выставлять на прилавок. Здесь, уходя, ничего не надо было убирать. А на завтра, подняв раму наверх, можно было начинать торговлю.

Арендная плата была также приемлемой, всего 100 гривен нужно было заплатить за аренду целого магазинчика. И самое главное, здесь в городке, как и по всей Украине, не было братков-рэкетиров, не надо было никому платить незаконной дани.

Хотя платить все-таки пришлось, но не браткам, платить надо было милиции. Прежде всего, паспортистам, свою долю в двести гривен они получали за то, что разрешали заниматься трудовой деятельностью, которая в то время запрещалась по закону. Платили участковому милиционеру, но деньгами он не брал, и было непонятно, стесняется он брать деньгами или боится. Он брал натурой, раз в месяц он приходил и беззастенчиво забирал чего-нибудь из понравившихся ему вещей. Иногда приходили из угрозыска в штатском, так не назойливо, не давя, просили устроить небольшой сабантуй. Все это практически отягощало их деятельность и кошелек. Люди они все были дружелюбные и покладистые.

Квартиру сняли в частном секторе. Небольшой кирпичный дом, не очень далеко от центра с приусадебным участком в шесть или семь соток. Хозяйка, баба Тоня, была женщиной преклонного возраста. Жила она одна, муж ее – бывший шахтер, умер лет восемь назад, дети разь-

ехали. Сын ее работал на какой-то большой должности в Киеве, дочь с мужем и детьми жила в России, в Омске. Жила она одна и, сколько бы ни просили дети, никуда она не собиралась уезжать. Она выглядела моложе своих лет. Некогда она была, наверное, очень статной и красивой девушкой, это до сих пор, несмотря на многочисленные морщины, было заметно в определенной степени. Небольшой прямой нос, большие голубые глаза – все говорило об этом. Некоторая сутуловатость, появившаяся со временем, ничуть не портила ее.

В первые дни, когда друзья только заселись к ней, относилась она к ним с некоторой напряженностью, в деньгах она не нуждалась, и когда Касым спросил, сколько бы она хотела получать за квартиру, она ответила:

– Сколько найдете нужным, столько и давайте.

Сперва это удивило их, но позже они поняли, что она пустила их к себе не сколько из-за денег, а сколько от одиночества. От одиночества, которое мучило ее, от тоски по собеседнику, от скуки пустого дома. Дом, хотя был небольшим, но крепким, выложенным из жженого кирпича в четыре комнаты с кухней и верандой. В саду и приусадебном участке росли яблони, груши и целая вереница вишневых деревьев. Огород уже много лет пустовал, заросший бурьяном и осокой.

Живя одна, она не хотела возиться в огороде, да и силы были уже не те. Когда был жив ее муж Александр Иванович, он занимался хозяйством, а после его смерти она пробовала несколько лет сажать картошку, помидоры и другие овощи, но со временем она поняла, что это ни к чему: урожай, полученный с участка, часто гнил. Одна она не могла все это употребить. Сын, когда она звонила ему с просьбой забрать картошку, отвечал, что скоро заедет за ней, но так и забывал об этом, пока она не портилась. Выгоднее ей было все это купить на базаре. Слава богу, пенсии ее хватало на это, и сын регулярно отправлял ей деньги, хотя она много раз просила этого не делать.

И главное, что прельстило Касыма и Уктама в доме у бабы Тони, это была банька, русская баня. Баня была построена отдельно от дома, слева от калитки, с предбанником и даже с маленькой комнаткой для отдыха. Отапливалась она дровами, хотя в доме было и газовое отопление.

Единственное условие, которое она поставила перед ними, был запрет водить в дом девушек. В первый же день их заселения она в категорической форме сказала: —Ребята, я от вас много денег не требую. Но у меня есть одно условие: никаких девок вы ко мне не будете водить, тем более вы парни женатые. Я не хочу, чтобы у меня дома творился разврат. И вам следует остерегаться. Мало ли сейчас болезней. Дома вас ждут жены, дети. Если вас это устраивает – живите!

– Хорошо, – согласились оба. Это в данный момент меньше всего волновало их.

Но прошло не много времени, и ее настроенное отношение стало меняться, особенно, после того, как с наступлением теплых весенних дней, Касым от скуки вместе с Уктамом стали заниматься огородом.

Возвращались они с рынка обычно после четырех часов, до ужина оставалось довольно много времени и, чтобы как-то провести его, Касым начал приводить в порядок огород. Сначала стал выкорчевывать сорняк, собирать его в кучу и сжигать. К нему присоединился и Уктам. Вдвоем работа пошла веселей, за несколько дней они полностью освободили огород от прошлогоднего сухого сорняка. Потом понемногу стали перекапывать огород, убирая при этом корни сорняков.

Антонина Васильевна, сперва критически отнесшаяся к этому, увидев, как заладились дела у ребят, и как похорошел ее огород, возрадовалась этому. Еще вчера говорившая, зачем, мол, это только лишний труд, сегодня сама стала помогать им. Оба они просили ее, чтобы не утруждала себя, сами управятся. Нет, теперь она не могла усидеть.

– Как же так? Вы на моем огороде трудитесь, а что я должна сидеть и смотреть? Нет, я тоже буду помогать вам, тем более мне полезно размять свои старые косточки. Чувствовать себя я стала намного лучше, как стала вам помогать, дополнительно аргументировала она свои действия.

Мало-помалу они в течение месяца раньше соседей посадили на огороде и картошку, и помидоры, и морковку, и болгарский перец, даже отвели небольшой участок под несколько видов зелени.

Само собой так получилось, что с первых дней она стала готовить им ужин. На второй или третий день их заселения Касым, купив продукты, начал готовить что-то на ужин. Почему-то в тот день настроение у него было неважное, поэтому начал он готовить спустя рукава, не спеша разрезал лук, во всю заливаясь слезами. Увидев это, Баба Тоня подошла к столу, отобрала нож у Касыма, а самого его выгнала, и взялась за готовку. Не прошло и часа времени, как она приготовила им великолепное жаркое. С тех пор она каждый вечер, не дожидаясь их прихода, начинала готовить им ужин. Ну и скуку она убивала заодно.

Но как-то однажды, примерно в то же время, когда они начинали заниматься огородом, Касым вызвался приготовить плов. Попробовав его плова, она теперь в неделю раза два уступала место за плитой Касыму, чтобы он приготовил пловила домламу. Через некоторое время она сама прекрасно научилась готовить домламу, а плов так и не смогла осилить. Попробовав несколько раз и каждый раз неудачно, она отказалась от этой затеи.

Добрейшей души она была женщина, по матери – украинка, по отцу — русская. Владела она обоими языками в совершенстве, но предпочитала говорить по-русски, как почти все люди, проживающие на Донбассе. Ее муж, Александр Иванович, наоборот, был по матери русским, а по отцу – украинцем. Через месяца два-три она настолько привыкла к ребятам, что не могла представить себе жизни без них. Души она не чаяла в них. После первого же месяца она не стала брать с них денег за квартиру.

– Как же так, сказала она. Вы покупаете продукты, кормите меня, а я еще деньги должна брать с вас. Нет, денег мне платить не надо, это я вам должна буду. Сколько бы они не уговаривали ее, она категорически отказывалась.

Нет, если будете предлагать, обижусь, сказала баба Тоня. Я что, жлоб какой-нибудь. Чтобы с вас за все, что делаете для меня, еще и деньги брать? – поставила она точку.

На рынке дела у них шли также неплохо, если не сказать отлично. За месяц работы они вполне освоились, а через два-три стали вполне своими людьми. Прибыли тоже стали расти. Раз в неделю или в десять дней ездили за товаром. За ним ездили или в Харьков, или в Одессу. Харьков был ближе: всего в пяти-шести часах езды на микроавтобусе. Но оптовые цены там были выше, чем в Одессе. Рядом со станцией метро, на огромной площади располагался Харьковский оптовый рынок. Кто-только не торговал на этом рынке: русские, украинцы, азербайджанцы, узбеки и очень много было вьетнамцев. И в Одессе точно такой же, а может и побольше, оптовый рынок, на седьмом километре назывался. До Одессы надо было ехать около десяти часов и более. Зато там было дешевле, особенно у китайцев, которых там было очень много. Иногда они могли за бесценок отдать остатки большой партии товара.

И в Харькове, и в Одессе были установлены свои негласные законы, особенно в делах, касающихся приезжих. Местная милиция, зная, что у каждого второго отсутствует постоянная или временная прописка, ищет к чему можно придраться, устанавливает и негласно распространяет такой порядок, при котором каждый приезжий, если он не гражданин Украины, платит им определенную сумму и за это она закрывает глаза на их присутствие. Сумма эта была в пятьдесят гривен, что составляет десять долларов. Получив данную сумму, он отдает взамен небольшой календарик со своей закорючкой. Следующий страж порядка, остановив того человека и увидев календарик с закорючкой коллеги, беспрекословно отпускает его. Так что двой-

ного сбора никогда не было. В Харькове такой же тамгой служил номерок-визитка от какого-нибудь контейнера-оптовика.

К этому времени и у Руслана дела пошли как нельзя лучше. Как он и обещал Оксане, через две недели он вызвал ее к себе, и теперь они жили и работали вдвоем. Раз или два в месяц они приезжали к ним в гости или они ездили к ним. Встречались в Горловке и с Бахтияром, но вскоре он с другом перебрались в другое место, в Шахтерск, объяснив это тем, что в малых городах удобнее работать и жить. После этого встречи с ним стали совсем редкими.

На рынке в Артемовске, кроме них было еще несколько их земляков, двое из них были семейной парой из Ферганы и Андижана, у обеих мужья торговали на вещевом рынке, а жены – на колхозном, который был переименован на фруктовый. Были еще мать с сыном, они были узбеками. Но из Киргизии, из Ошской области, близких контактов с ними не было, так шапочное знакомство.

Как было сказано, с Бахтияром и Шакиром они встречались очень редко, но как-то раз, в середине лета, они сами приехали к ним. Было это в понедельник, обычно в этот день рынок работал плохо, покупателей, так же как и во вторник, было мало, и поэтому некоторые торговцы в те дни делали себе выходной. Другие возили свой товар в соседний город Константиновку, обычно там был по понедельникам привоз. Они с Касымом тоже возили туда, а по четвергам обратно товар. Но в тот день они были на рынке. Торговля шла вяло, если не сказать совсем ее не было. И вдруг часам к двум заявляются Бахтияр и Шакир.

Их приезд обрадовал и Касыма, и Уктам, появилась причина закрыть лавку и пойти домой с гостями. Тепло встретив их, они закрыли лавочку и пошли с ними к себе домой. По дороге гости сообщили, что должны с минуты на минуту появиться и Руслан с Оксаной.

– Это вы что, сюрприз хотели нам устроить? — улыбнулся Касым.

– Вроде того, давненько не встречались, вот мы созвонились с Русланом, но он зовет нас к себе, а мы к себе, в общем, договорились встретиться на нейтральной территории, – в ответ улыбнулся Бахтияр.

– Между прочим, правильно сделали, согласился Касым. Не будем их ждать здесь, они прекрасно знают, где мы живем. Позвони ему и скажи, пусть едет прямо сюда к нам, – подал идею Уктам.

– Правильно, — согласились все.

– Вот только минут пять подождите, я сбегаю вон туда, указал Уктам на вино-водочный магазин.

– Вот туда как раз не надо, остановил его Бахтияр и ткнул в пакеты, которые держал в руках. Оттуда послышался звон бутылок. Об этом позаботились, добавил он. Ну, все, пошли тогда, сказал он, направляясь к стоянке такси, чтобы толпой не мозолить глаза другим.

За ними к дому подъехали и Руслан с Оксаной.

Антонина Васильевна тоже была рада гостям. Встретила всех душевно, Оксану она обняла и поцеловала.

День был ясный, солнечный, даже жарковатый, поэтому решили сидеть на открытом воздухе. В огород под большую яблоню вынесли стол и стулья. Готовить решили там же, как на пикниках. Быстренько соорудили импровизированный очаг из кирпичей, найденных в углу огорода, мангал для шашлыка имелся. Он остался еще от покойного Александра Ивановича, небольшой, но очень удобный.

Касым взялся за плов. Уктам и Руслан за шашлыки, другие занялись дровами, а женщины помогали Касыму с луком и морковкой. Естественно, в процессе готовки, чтобы дело шло веселей, опрокинули по 50 граммов. Пяти часов еще не было, как сели за плов и, конечно, перед этим опять поддали еще по 50 граммов.

С шашлыки решили погодить, после такого плова есть их было делом нелегким. После плова каждый занялся каким-нибудь делом. Баба Тоня с Оксаной занялись посудой. Руслан

стал готовить уголь для шашлыков. Уктам с Бахтияром сели за нарды. Касым с Шакиром, о чем-то беседуя, с сигаретами в руках пошли на улицу. Не отходя далеко, они встали возле калитки и закурили.

Не успели они сделать две затяжки, как из ближайшего переулка вышли три парня. Они не спеша шли в их сторону, бросая фразы и громко смеясь. Не доходя до них шагов десяти, их смех стал более отрывистым, и внимание их было обращено к ним. Были слышны слова «Чурки», «Черномазые». Несомненно, эти слова были высказаны в их адрес, а угрожающий вид ничего хорошего не предвещал. Касым сделал вид, что не расслышал, у Шакира нервно стали дрожать губы, он с радостью был готов ретироваться во двор. Но Касым не шелохнулся. Когда осталось всего несколько шагов, один из них, высокий светловолосый парень со степенным видом, встал и грубо, с явным пренебрежением обратился к ним: —Что смотришь, «чурка», жить надоело? – и широко оскалился под громкий хохот товарищей.

Касым ничего не ответил, только затянулся сигаретой. Было видно, что все трое были под градусом и с желанием ввязаться в конфликт. Все трое были ребятами довольно крепкими, под стать один другому. Двое других были чуть ниже говорящего, но телом они были не менее стройными.

– Что, язык проглотил, кабан черномазый, выкрикнул другой.

– Ребята, шли бы своей дорогой.

– Что ты сказал, козел? – выступил вперед первый, не дав договорить Касыму.

Все случилось за какие-то секунды. Высокий еще не успел поднять руку, чтобы ударить Касыма, как получил резкий и точный удар в солнечное сплетение, согнулся вдвое и сел на корточки. Другой его товарищ, который был слева, не поняв, что случилось, бросился было вперед, но, встретив хлесткий удар в подбородок, рухнул на землю. Третий, оставшийся стоять один, изумленно стал озираться, пока не подошел Касым и не ударил его кулаком по уху. Удар был сильный, но не слишком точный, голова его, хотя и откинулась, но он устоял на ногах. Первым придя в себя, он понял, что надо быстрее ретироваться отсюда, и сломя голову побежал назад. Не дожидаясь, пока первый придет в себя, Касым шагнул вперед и с размаху пнул сидящего на корточках в бок, сломав, кажется, ему несколько ребер. Свалившись на другой бок, он с ужасом начал кричать: —Все, не надо больше!

Шакир на радостях побежал звать остальных. Когда Уктам, Руслан и женщины вышли из калитки, все уже было кончено. Первый, подняв второго, одной рукой поддерживая его, а второй держась за свой бок, медленно пошел туда, откуда пришел.

– Что случилось, что такое? – вскричали одновременно все.

Шакир, смакуя подробности, стал рассказывать обо всем по порядку.

– Ну, ты даешь! – восхитился Руслан. Один и всех троих уложил.

– Не ожидал от тебя такого, —с гордостью за друга воскликнул Уктам.

– Да я сам не ожидал от себя, – скромно потупился Касым.

– Не надо было лезть в драку с ними, —стала осуждать баба Тоня. Я знаю их. Двое – сыновья Петровны. Хлопцы эти вроде были неплохими, без отца растут. Это, наверное, Валерка, Колин сын, сбил их с пути. Он может, ирод проклятый, нигде не работает, отца с матерью не слушается, вечно, подвыпив, с кем-нибудь дерется.

– Так мы и не лезли. Мы курили стояли, – заступился за Касыма Шакир. —Они сами еще издали начали ругаться, оскорблять нас. Высокий сам первым начал. Если бы Касым на полсекунды не опередил бы его, мы теперь здесь лежали, а не они, – горячился он.

– Ну, хорошо, что случилось, то и случилось, пойдете в дом. Я сегодня же поговорю с их родителями, – сказала Антонина Васильевна.

– Зачем, не надо впутывать еще и их родителей – сами разберемся, был против Касым.

– Как это не надо? Пускай знают, чем их дети занимаются, – не унималась баба Тоня.

– Ладно. Ладно, только не сегодня. Сегодня шашлыки будем есть, угли уже готовы. А завтра, может быть пойдете, – примирил всех Руслан.

За шашлыками разговор не шел и крутился, в основном, вокруг разыгравшейся драмы. Шакир вскакивал с места, показывая, как Касым первым ударом свалил высокого, как потом одним точным в челюсть ударом уложил второго, как третий, получив оплеуху, побежал, бросив своих друзей, и как с разбегу Касым пнул первого. Все это он показывал, жестикулируя, с восхищением описывая и показывая на себе действия пострадавших.

– А ты, Касым, у нас Джеки Чан, – сравнивал его с прославленным драчуном.

– Да я сам не знаю, как это получилось, – честно признавался тот. – Уктам, скажи, ты видел, чтобы я когда-нибудь дрался. Случайно все получилось, ей-богу случайно.

– Видел, в детстве. В детстве ты хорошо дрался. Помнишь, как мы с Горьковскими дрались и всегда побеждали. Первыми деру они давали.

– Ну, это когда было? Тридцать лет прошло.

– Ну, вот навыки, наверное, остались, – пошутил Уктам.

Со смехом, шутками, восторгами и не без гордости доели шашлыки, горилки тоже хватало, но пьяным себя никто не чувствовал. Руслан с Оксаной стали собираться в дорогу, чтобы затемно попасть домой. Антонина Васильевна, никогда не пившая больше рюмки, сегодня, поддавшись всеобщему настроению, выпила больше положенного и, сославшись на усталость, сказала, что пойдет, приляжет.

Проводив Руслана с подругой, все четверо опять сели за стол. Шашлыки еще оставались, а горилки было выше крыши. Пропустили еще по рюмочке, Уктам стал понемногу прибирать со стола. Отнес грязную посуду на кухню, вынес лишние стулья. Вдруг в это время с улицы раздался визг и скрип тормозящего автомобиля, затем второго. Сердце у него ёкнуло, предвещающая что-то нехорошее. Он вышел на крыльцо, опасаясь взглянуть в сторону калитки. Поверх забора увидел крыши двух внедорожников.

– Что бы это значило? – в волнении думал он.

Автомобили стояли явно напротив их калитки. Не успел он еще толком осознать, как в дверь калитки грубо постучали. Он встал не шелохнувшись. Постучали еще раз и громче. Делать было нечего, калитка была не закрыта на засов, да если бы и была, одним пинком можно было его сшибить. Он медленно пошел в сторону калитки, и когда чей-то кулак третий раз добрался до досок дверей, он подтянул дверное полотно, и кулак с шумом пролетел перед ним.

В дверях стоял тот парень, третий, что побежал первым. За ним возле джипов рядом с первым находились трое, возле второго – двое, а еще в салоне сидело несколько человек. Среди первой тройки были и сегодняшние «герои», получившие от Касыма, один здоровенный бугай ростом под два метра, с огромными плечами, мускулистый, с кулаком как кувалда и торсом, как у Шварценеггера.

– Поди сюда, – глядя исподлобья, промолвил он.

Уктам подошел, пока он шел к нему, ему казалось, что земля уходит из-под его ног и что может попросту свалиться на него.

– Он? – кивнув на него, спросил бугай у «героев».

– Нет, не он. Он был темнее и пониже, ответил один из них.

– Позови друга, – кратко приказал он Уктаму.

Уктам понял, кого они хотят видеть, но прикинулся простаком.

– Кого? – спросил он.

– Сам знаешь кого, бегом зови того, —прикрикнул бугай.

Ему ничего другого не оставалось, как пойти обратно во двор за Касымом. Напряженно думал: —Что делать? Что делать? Как сделать так, чтобы Касым успел убежать?

Он медленно вошел во двор, зашел в дом, не спеша подошел к столу с сидящими друзьями и, как бы не решаясь что-либо сказать, только промолвил: —Касым, за тобой пришли. Что будем делать?

Все трое, почувствовав что-то неладное, были уже настороже.

– Будем драться, вскочил Бахтияр, хватаясь за нож, лежащий тут же на столе.

– Их много, целая банда в двух машинах. Здоровые все кабаны, тихо промолвил Уктам.

Нам их не одолеть.

– А что-тогда делать? – кипятился Бахтияр.

– Оставь нож, и сидите здесь. Не надо вам вмешиваться, вы гости. Пойду один.

– Куда пойдешь? Они же избьют тебя, убьют, – ужаснулся Шакир.

– Не убьют, – оскалился Касым.

– Может, убежишь, через огород? —предложил Уктам.

– И что, далеко я убегу? Пойду, – решительно направился он к выходу.

Все трое направились за ним. Он вышел из калитки, за ним Уктам, Шакир, последним Бахтияр. Все четверо встали в ряд перед калиткой.

– Который из них? – спросил бугай у первого избитого Касымом парня.

– Вон тот, показал тот рукой на Касыма. И вот этот тоже с ним был, подсказал второй, матерясь на Шакира.

– Подойди сюда, —кивнул здоровяк Касыму. Касым медленно подошел и стал напротив.

Он смерил его глазом, потом посмотрел на обоих пострадавших. Криво усмехнулся и спросил у тех:

– Вот этот мелюзга вам троим так здорово навалял? – еще раз спросил он у них с неким презрением.

– Да, ответили они, – ничего не подозревая.

– Ну, так вам и надо. Козлам вонючим. Посмотрите на себя и посмотрите на него. Вы все трое наголову выше его и здоровее. И он один вас троих сделал.

– Правильно сделал, парень, – протянул он руку Касыму. Наваляй им еще. Мало им, позорищегнилое. Поехали, ребята, – приказал он своим, стоявшим возле второй машины людям. Те подошли к Касыму, похлопав ему по плечу, и, ничего не говоря, сели в машину и уехали, оставив троих беделог на произвол судьбы.

– Ну что, козлы, еще хотите получить? – выступил вперед Шакир, задиристо скаля зубы.

Такого благородства со стороны того авторитета города Касым не ожидал. Вышел он к ним, ожидая совершенно худшего, если не смерти, и теперь после такого исхода он был совершенно ошарашен и, конечно, рад и горд.

Еще больше были ошарашены эти трое. Никак не предполагая, что все может кончиться подобным образом, они были совершенно растеряны и ошарашены. Они молча, не говоря ни слова, поспешили покинуть место происшествия. И, самое интересное, по прошествии нескольких месяцев Касым и Уктам подружились с этими ребятами.

Через несколько дней после этого случая, как-то вечером, кто-то постучал в калитку. Уктам выглянул на стук, вышел и удивился: возле калитки стояли все три «героя» предыдущих событий. В руках одного из них был пакет.

– Позови друга, попросил высокий.

– Зачем, опять хочешь подраться? – спросил Уктам.

– Нет, ты что? Хотим подружиться с вами. Вот горилку принесли и сало. Извинений хочу попросить и выпить с ним. И с тобой, – добавил он.

Уктам улыбнулся и пошел звать Касыма. Тот, узнав, в чем дело, усмехнулся.

– Ну, зови их, посидим там, под яблоней, —сказал он, направляясь к выходу.

Баба Тоня, узнав, в чем дело, сперва не одобрила, но смолчала.

Парни вошли с некоторой неловкостью, встали перед Касымом, переминаясь с ноги на ногу и, наконец, первый высокий протянул руку Касыму.

– Братан, извини нас, так получилось, выпивши были, – оправдывался он.

– А что мне извинять вас? Это ты извини, что так получилось, подколол его Касым.

– Ладно, забудем, что было, —протянули руки второй, а затем и третий.

Он сели под яблоню. Гости выставили две бутылки горилки, шматок сала и булку хлеба. Уктам принес из кухни помидоров, огурцов и нужную посуду. Выпили за знакомство. Первого звали Валерой, он был высоким под метр девяносто парнем. Лет ему было около двадцати пяти, двое других были братьями. Одного звали Андрей, второго – Алексей. Роста они были одинакового, ниже Валеры почти на полголовы, но здоровые, крепкого телосложения. Старший Андрей был темноватый, с красивыми карими глазами, а младший Алексей – намного светлей, с русыми волосами и серо-голубыми глазами.

Со временем они крепко подружились с ребятами. Особенно после того, как однажды они забрали Касыма с собой на групповую драку, устроенную ими с хлопцами с фабричной стороны. Город был разделен на несколько секторов, молодежь которых часто конфликтовала меж собой. Касым, поучаствовав в этих разборках пару раз, сказал:

– Хлопцы, давайте разбирайтесь там сами. Мне уже за сорок. Что я делаю с вами, ума не приложу. Давайте лучше без меня.

Они сперва немного обиделись, но потом, поняв, ничего не сказали, но дружить не перестали.

В начале августа Касым и Уктам засобирались съездить домой. Шел уже шестой месяц, как они приехали сюда, с этой работой они никак не могли решиться на это. Торговля шла хорошо, прибыли росли с каждым месяцем, и бросить все вот так и уехать, не хватало решимости. Еще недолго они поразмышляли, откладывая то на завтра, то на послезавтра. Наконец, 15 августа Касым сказал: —Все, сегодня работаем последний день. Завтра выедем домой. Работа эта никогда не кончится. Поедем домой, отдохнем дней десять и приедем обратно.

Уктам с радостью согласился. Который месяц он скучал по родным, по жене, по детям. Вечером за ужином они сообщили это бабе Тоне. Не одобрить это она все же не могла. Сказала только: —Ребята, я так привыкла к вам, как я буду эти две-три недели без вас? Приезжайте поскорее, а лучше привозите свои семьи сюда, что вы будете мотаться туда-сюда. Переезжайте насовсем к нам. Видите, город у нас хороший. Будете жить здесь всей семьей.

– Что вы, Антонина Васильевна, это невозможно, – ответил Касым.

– Почему невозможно?

– Но вы вот сами, например, почему не переезжаете к сыну в Киев. Это же столица и люди там не хуже, чем здесь, и дом, говорите, у него большой. Почему вы не переезжаете туда? – задел за живое Касым.

– Как можно, встрепенулась она. Как я уеду отсюда. Здесь похоронены мои родители, здесь лежит мой старик, земля пусть будет им пухом. Наконец, дом, кому я все это оставлю? Всю жизнь я здесь прожила, – обиделась она даже.

– Ну вот, видите, и у нас есть матери, не только жены и дети, и они точно так же думают.

– Ну да, конечно. Ладно, езжайте и побыстрее возвращайтесь обратно, – согласилась она.

Утром следующего дня, не обременяя себя лишними вещами, они выехали в Донецк. В Донецке сели в поезд, следовавший до Уфы. В Самаре пересели в поезд, следующий в направлении Узбекистана. Около трех суток потратив на дорогу, 18 августа они были дома.

19 августа 2005 года запомнилось Уктому тем, что впервые за столько лет в его семейной жизни появилась первая трещинка. Совсем маленькая, незаметная вроде бы, которую можно было бы и забыть, но которая сыграла большую роль в его дальнейшей судьбе. 18 августа, в день его приезда, ничего этого не предвещало. Как всегда родные – мать, жена, дети – встретили его с огромной радостью. Конечно, как раньше, подростки к тому времени, дети не бросились

к нему на шею, долго вися на нем и не отпуская. Старшая дочь, обучавшаяся на последнем курсе колледжа, и сын, восьмиклассник, радостно подбежав к отцу, обняв и поцеловав его, скромно отошли в сторону, только младшая дочь-любимица долго не отпускала отца, мать и жена, как и раньше, тепло встретили его.

Случилось это на следующий день за обедом, точнее, после того, как они пообедали, дети, быстро поев, встали из-за стола. Сын Карим убежал первым, даже не доев до конца, услышав с улицы зов своих сверстников. Обе дочери тоже встали, старшая стала убирать со стола, а младшая помогала ей в этом. Он тоже хотел было встать, но мать, опередив его движение, промолвила: — Не торопись, сынок. Мне надо тебе кое-что сказать.

– Я тебя слушаю, мама, – сказал он.

– Сынок, конечно, это тебе виднее, может быть, я не совсем знаю. Но скажи мне, почему с каждым разом твои поездки становятся все длительнее и длительнее. Шесть месяцев тебя дома не было. Почему так, почему нельзя приезжать почаще? Чаше видеть семью, разве ты не скучаешь по детям, по семье?

– Скучаю, еще как скучаю, мама, — с пылом ответил он.

– Ну, если так, почему так редко приезжаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.